

Даниэль Пеннак

ИСТОРИЯ ЭРНЕСТА И СЕЛЕСТИНЫ

Даниэль Пеннак

История Эрнеста и Селестины

«Самокат»

2012

УДК 821.133.1-3-93
ББК 84(3)Фра-442

Пеннак Д.

История Эрнеста и Селестины / Д. Пеннак — «Самокат»,
2012

ISBN 978-5-91759-529-0

Как пишет автор этой книги, «у каждой истории есть своя предыстория». В 1985 году известный французский писатель и педагог Даниэль Пеннак забрёл в книжный магазин, где увидел альбом с тридцатью зарисовками из жизни собаки и был так потрясён, что отправил автору альбома свою книгу «Собака Пёс». Так завязалась многолетняя переписка между Пеннаком и Габриэль Венсан – бельгийской художницей, придумавшей легендарные книжки-картинки про медведя Эрнеста и мышку Селестину. Альбомы Венсан вдохновили Пеннака на создание сценария анимационного фильма про обожаемых многими поколениями франкоязычных читателей героев. Вслед за фильмом в 2012 году появилась и книга, которую вы держите в руках, – «История Эрнеста и Селестины». Добавим, что книжки-картинки Габриэль Венсан вышли на русском языке в 2014 году в издательстве «Мелик-Пашаев».

УДК 821.133.1-3-93
ББК 84(3)Фра-442

ISBN 978-5-91759-529-0

© Пеннак Д., 2012
© Самокат, 2012

Содержание

1	6
2	7
3	8
4	10
5	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Даниэль Пеннак

История Эрнеста и Селестины

Daniel Pennac
Le Roman d'Ernest et Celestine

Для младшего школьного возраста.

Любое использование текста и иллюстраций разрешено только с согласия издательства.

© Casterman/Gallimard, 2012. All rights reserved.

© Н. Шаховская, перевод на русский язык, 2014

ООО «Издательский дом „Самокат“», оформление, издание на русском языке, 2014

* * *

Даниэль Пеннак родился в 1944 году в семье военного инженера в городе Касабланка (Марокко, Северная Африка). Он много путешествовал вместе с отцом, получил педагогическое образование во Франции и с тех пор успешно совмещает работу учителя в «не очень простой школе» спального района Парижа с занятиями литературой. Его антипедагогическое эссе «Как роман» перевернуло все сложившиеся в современной системе образования представления о том, как нужно преподавать литературу, чтобы научить детей любить книги. Книги Даниэля Пеннака переведены на 26 языков и удостоены многочисленных литературных премий в разных странах мира.

*Памяти Габриэль Венсан,
моего друга по перу, акварели и бумаге*

1

Будем знакомы (Когда познакомишься, надо представиться)

СЕЛЕСТИНА: Здравствуйте. Меня зовут Селестина. Я мышь. «Маленькая мышка», как обычно говорят. Вы замечали, что всегда говорят «мышка»? Когда не боятся, конечно. А когда боятся, то показывают на тебя пальцем и вопят: «МЫШЬ! МЫШЬ!» Вопят так, будто медведя у себя в ванной увидели. И гоняются за тобой с веником. Ну то есть те, кто похрабрее... Другие вскакивают на стул и вопят уже оттуда: «МЫШЬ! МЫШЬ!»

Но когда не боятся и говорят про тебя за глаза, всегда говорят «мышка». Особенно если рассказывают сказку. «Жила-была маленькая мышка...» Это чушь, потому что мыши – они как все: бывают маленькие, бывают большие, бывают средние; всякая мышь вначале совсем малютка, потом растёт, и дожить свой век может старой-престарой, без единого зуба и вся в ревматизме. Так вот, я – Селестина, мышь как мышь.

ЭРНЕСТ: Здравствуйте. Меня зовут Эрнест. Я медведь. «Толстый мишка», как обычно говорят. Вы замечали, что всегда говорят «мишка»? Когда не боятся, конечно. Когда боятся, если, например, встретят тебя в лесу, тогда показывают на тебя пальцем и орут: «МЕДВЕДЬ! МЕДВЕДЬ!» – так истошно, будто целую орду мышей у себя в кухне увидели. И удирают со всех ног. Ну то есть те, которые не злые. Потому что другие – те в тебя стреляют из ружья. Да, вот именно, из ружья! Но когда про тебя говорят за глаза, всегда говорят «мишка». Особенно если рассказывают сказку: «Жил-был толстый мишка...» Это чушь, потому что медведи – они как все: бывают толстые, бывают тощие, бывают ни толстые, ни тощие. Вот я – медведь не толстый и не тощий. Ну то есть под конец зимы тощаю (с голоду), а к концу лета толстею (отъедаюсь). А, и ещё: я никакой не мишка, я же не плюшевый. Нет, я – Эрнест, медведь как медведь.

АВТОР: Здравствуйте. Я Автор. Тот, кто рассказывает эту историю. Я хочу рассказать вам историю Эрнеста и Селестины. Свет не видывал такой крепкой дружбы, как у Эрнеста и Селестины, но они почти никогда не соглашаются друг с другом. Если бы они сами рассказывали эту историю, никто бы ничего не понял. Хотите убедиться? Достаточно задать им хотя бы такой вопрос: Эрнест, Селестина, как вы познакомились?

СЕЛЕСТИНА: В помойке.

ЭРНЕСТ: Правда!

СЕЛЕСТИНА: Я сидела в помойном баке, дело было утром, Эрнест открыл крышку, увидел меня и хотел съесть.

ЭРНЕСТ: Неправда!

СЕЛЕСТИНА: Разве ты не хотел меня съесть?

ЭРНЕСТ: Я только сделал вид. В шутку!

СЕЛЕСТИНА: Ну конечно, в шутку! Ещё как всерьёз! Если бы я тебе не вправила мозги, ты бы меня живьём проглотил!

ЭРНЕСТ: Вот уж нет! Ни один медведь не ест мышей!

СЕЛЕСТИНА: Медведь, когда голодный, ест всё что ни попадя!

ЭРНЕСТ: Я в жизни ни одной мыши не съел, Селестина! И уж никак бы не стал начинать с тебя!

СЕЛЕСТИНА: В то утро ты был такой голодный, что проглотил бы какую угодно мышь!

ЭРНЕСТ: Ничего подобного!

АВТОР: Видите, лучше я буду рассказывать, а то мы никогда не сдвинемся с места.

2

Верхний мир и нижний мир (Медведи и мыши)

В НАЧАЛЕ этой истории Эрнест и Селестина ещё не были знакомы. И это естественно. Селестина жила в нижнем мире, с другими мышами, а Эрнест жил в верхнем мире с другими медведями. Так уж оно повелось с незапамятных времён: внизу мир мышей, наверху мир медведей, и они друг с другом не водятся.

Но с незапамятных времён каждую ночь мыши надевают свои рюкзаки и идут отовариваться в верхний мир. Разумеется, не попадаясь на глаза и двигаясь как можно бесшумнее. Потому что если какой-нибудь медведь заметит у себя в доме мышью... О, если медведь заметит мышью, ужас что может произойти!

Мыши с зелёными рюкзаками приносят корочки хлеба, горошины, макаронины, конфеты, орешки, кусочки сахара, виноградины, обрезки сыра, вишни (когда они поспевают) – словом, всё, что нужно, чтобы прокормить нижний мир.

Мыши с красными рюкзаками приносят лоскутки, пуговицы от штанишек, застёжки-молнии, заколки, шнурки, нитки, шерстяную пряжу – словом, всё, что нужно, чтобы одеть нижний мир.

Мыши с серыми рюкзаками приносят гвозди, шурупы, кнопки, булавки, провода, изоляцию, батарейки – всё, что нужно для благоустройства нижнего мира.

А мыши с белыми рюкзаками...

* * *

СЕЛЕСТИНА: Стоп, Автор! СТО-О-ОП! Ты не имеешь права рассказывать, что носят в белых рюкзаках! Это тайна! Только мышью может сказать, что носят в белых рюкзаках! И то не всякая, а только та, которая сама с таким ходит!

АВТОР: Прямо как ты, Селестина, в начале этой истории?

СЕЛЕСТИНА: Вот именно!

АВТОР: Тогда скажи! Что ты носила в своём белом рюкзаке?

СЕЛЕСТИНА: Не сейчас! Сначала надо рассказать, что было сначала.

АВТОР: Что было сначала?

СЕЛЕСТИНА: С чего началась вся история! Завязка, если тебе так больше нравится.

3

Что было сначала (Надо же начать, в конце концов)

НАЧАЛОСЬ всё с того, что у малыша Леона выпал первый молочный зуб. Кто такой малыш Леон? Малыш Леон – медвежонок, капризный сыночек Жоржа и Люсьены. Кто такие Жорж и Люсьена? Папа и мама малыша Леона, ясное дело! Жорж – здоровенный тёмно-бурый медведь, а Люсьена – кругленькая такая светло-бурая медведица. Жоржа вы, впрочем, знаете, у него кондитерская напротив школы, и он на переменах продаёт вам сладости. С Люсьеной вы познакомитесь позже, когда вырастаете: через улицу от кондитерской она делает новенькие зубы, чтобы заменять ваши собственные, испорченные сладостями Жоржа.

Так вот, в ту ночь Селестина (с белым рюкзаком на спине) забралась в дом Жоржа, Люсьены и Леона. Она прокралась в спальню малыша Леона, спряталась в тапочке и принялась рисовать.

(Ах да! Я забыл сказать, что Селестина обожает рисовать. Лево́й рукой, потому что она левша. С малых лет она рисует всё, что видит, и всё, что ей в голову взбредёт. Это её страсть. Больше всего на свете она любит рисовать и писать красками, только об этом и думает, только этим и занимается, только этим и живёт, и началась-то вся наша история из-за этой её страсти.)

Селестина рисовала Жоржа и Люсьену, которые в тот момент любовались зубиком, только что выпавшим у Леона.

– Смотри, – говорил Жорж, – у Леона выпал первый зубик!

– Прямо жемчужинка! – воскликнула Люсьена.

– И никаких следов сахара! – заметил Жорж.

– Вфо равно я пвохо выгляву бев вуба, – проворчал Леон из фвоей кровати (простите, из *своей* кровати).

– Не плачь, мой хороший, вот Мышка придёт... – сказала Люсьена.

– Какая мыфка? – спросил Леон.

– Сказочная Мышка, – объяснила Люсьена.

– Не флыхал про такую.

– Потому что у тебя ещё не выпадали зубки!

– Какое ей дело?

– То-то и оно, что дело, сыночек! – воскликнул Жорж. – Твоя первая сделка, мой медвежоночек!

– Я положу твой зубик под подушку, – с улыбкой объяснила Люсьена, – и, пока ты спишь, Мышка положит вместо него денежку!

– Больфую денефку? – спросил Леон.

– Евро, – предположила Люсьена.

– Два, – заспорил Леон.

– Ладно, два, – согласился Жорж.

– Вфо равно это глупости, – заключил Леон, – фкавочных мыфек не бывает!

Тут Селестина прыснула. На неё напал такой неудержимый смех, что всё её тельце сотрясалось. И она выронила карандаш.

«Тук!» – карандаш упал на пол.

– Что это стукнуло? – спросил Жорж, настораживаясь.

«Тьфу ты!» – подсадовала про себя Селестина. Она забилась поглубже в тапочку, едва осмеливаясь дышать, и выждала некоторое время. Потом, решив, что опасность миновала, с превеликой осторожностью высунулась, чтобы подобрать свой карандаш.

– МЫ-Ы-ЫШЬ! – завопила Люсьена.

– ГДЕ? – взревел Жорж, хватаясь за веник.

– ТА-А-АМ! – вопила Люсьена.

«Шарах!» – обрушился веник на Селестину. Она едва успела отскочить в сторону. «Шарах! Шарах! Шарах!» – не унимался веник. Мимо! Мимо! Опять мимо! Селестина нырнула в тапочку и подхватила свой белый рюкзачок.

– ГДЕ ОНА? ГДЕ? – вопрошал Жорж.

– В ТАПОЧКЕ! – кричала Люсьена.

Веник расплющил тапку в лепёшку, но Селестина уже скрылась за лампой. Лампа разлетелась вдребезги, однако Селестина была уже под комодом. От комода остались одни щепки, а Селестина выскочила за дверь.

– В НАШЕЙ СПАЛЬНЕ! ОНА В НАШЕЙ СПАЛЬНЕ! – вопила Люсьена, стоя на стуле.

Спальня, гостиная, столовая – Жорж и его веник разнесли весь дом. Малыш Леон подпрыгивал в кроватке:

– Давай! Круфы!

– В КУХНЕ! ОНА В КУХНЕ! – опять завопила Люсьена.

Так оно и было. Селестина выскочила в кухню. Но Жорж не отставал. Тогда Селестина просто-напросто выскочила в окно. Прыгнула не раздумывая, зажмурившись, и упала в открытый помойный бак.

И сжалась там в комочек, и сердце у неё так и колотилось, потому что Жорж тут же появился в дверях своего дома. С ружьём, представляете?

– КУДА ТЫ ДЕЛАСЬ? – вопил Жорж. – НУ Я ТЕБЯ СЕЙЧАС!..

– ТИХО! – крикнул из окна какой-то сосед.

– ЧЕГО ОРЁШЬ! – крикнул другой.

– МЕШАЕТЕ СМОТРЕТЬ ТЕЛИК! – добавил третий.

– Где-е-е-е же ты-ы-ы? – полушёпотом пропел Жорж, на цыпочках обходя помойный бак с ружьём наизготовку. – Где-е-е ты-ы-ы? Пря-а-ачься не пря-а-ачься, я тебя найду-у-у. А когда найду-у-у... о, когда найду-у-у...

Селестине было так страшно, что она так и не решилась вылезти из помойного бака.

* * *

СЕЛЕСТИНА: Всё правильно, ты хорошо рассказываешь, Автор. Было так страшно, сердце так колотилось, что у меня не хватило духу вылезти из помойного бака. Это я сгруппировалась, потому что очень скоро Жорж набил этот бак доверху! Всем, что он переломал у себя дома. Валил мешок за мешком – и как только меня не задавило! А последнее, что он выбросил в помойку, – знаешь, Автор, что это было?

АВТОР: Нет.

СЕЛЕСТИНА: Это был молочный зубик малыша Леона!

АВТОР: Неужели?

СЕЛЕСТИНА: Ну да! А я ведь за ним и приходила! Вот для чего служат наши белые рюкзачки! Забирать молочные зубы, которые выпадают у медвежат!

АВТОР: А, вот оно что. Понятно. А дальше?

СЕЛЕСТИНА: Дальше? Я поскорей убрала зуб в свой белый рюкзачок, Жорж закрыл бак крышкой, и я очутилась в кромешной тьме.

4

Что такое кромешная тьма для Селестины (Сказка про Страшного Злого Медведя)

В КРОМЕШНОЙ тьме Селестине сразу стало вспоминаться всё плохое. Она вспомнила, как ещё совсем маленькой оказалась в приюте. (Приют – это место, где воспитываются мыши, которые остались без родителей. Таких много. Из-за мышеловок.) Селестина пыталась отогнать мрачные мысли, но они были сильнее её. Они заполнили всю темноту помойного бака.

Первым явилось воспоминание о Серой Грымзе – самое плохое! Серая Грымза была в приюте главной надзирательницей. Большая, старая и довольно противная серая мышь. С одним-единственным резцом во рту. Селестина от этой Грымзы натерпелась страху. Каждый вечер в дортуаре та рассказывала одну и ту же сказку. Делала вид, что выбирает... «Что бы такое рассказать вам сегодня, мои милые?» Но рассказывала всякий раз одно и то же – про Страшного Злого Медведя. Это была сказка про маленькую мышку, которая не верила в Страшного Злого Медведя, и зря не верила, потому что в конце концов Страшный Злой Медведь съел её живьём!

Тут Серая Грымза злорадно усмехалась:

– Её братья, её сёстры, её родичи, её друзья, её подруги – все ей говорили: «Берегись Страшного Злого Медведя!» Но она никого не слушала, думала, она самая умная! И вот вам результат: ам! Съедена Страшным Злым Медведем.

Когда Серая Грымза рассказывала эту сказку, её огромная тень, как хищная птица, парила над кроватками мышат.

– Там, у нас над головой, ходит Страшный Злой Медведь! – зловеще ухала Грымза.

Мышата, дрожа, смотрели на потолок. Им казалось, что они слышат шаги Страшного Злого Медведя.

– А когда он голодный, – спрашивала Серая Грымза, – что он тогда ест, Страшный Злой Медведь?

– Он ест всё, что попадётся, – отвечали мышата, которые знали эту сказку наизусть.

– Абсолютно всё! – повторяла Серая Грымза, угрожающе подняв палец. – Мёд, рыбу, морковь, кукол, башмаки, телевизионные антенны, шоколад, масло, велосипедные шины, гвозди, цикорий, тесто, радиоприёмники – абсолютно всё! Но что из абсолютно всего особенно любит есть Страшный Злой Медведь?

– Мышку? – спрашивал чей-то дрожащий голосок.

– Мышку? – издевательски хихикала Грымза. – Десять! Двадцать! Тысячу мышек! Он ест их жареными, варёными, тушёными, в виде паштетов, в виде бутербродов, с гарниром, под соусом, в супе и даже сырыми!

– Сырыми? – не удержавшись, переспрашивала Селестина, съёживаясь в своей кровати.

– Сырыми и прямо живьём, с башмаками и рюкзаком!

Теперь Серая Грымза шипела как змея.

«Неправда, неправда! – твердила про себя Селестина. – Грымза просто нас пугает! Нет никакого Страшного Злого Медведя».

И всё-таки Селестина немножко в него верила, потому что была ещё маленькая, а малыши верят во многое такое, во что и не хочется верить, а приходится.

Сейчас, в темноте помойного бака, Селестина уже нисколечко в него не верила. Она была уже большая. Она знала, что медведи такие же, как все, – бывают злые, бывают доб-

рые, бывают ни злые и ни добрые, но в одном она была уверена совершенно: нет никакого Страшного Злого Медведя! Засыпая, она всегда повторяла про себя: нет никакого Страшного Злого Медведя. Дураки вроде Жоржа – да, бывают, а вот Страшный Злой Медведь – нет... Но при этом какой-то чуть слышный внутренний голосок не давал ей покоя: «А что если он всё-таки есть – Страшный Злой Медведь, вдруг он и вправду есть?»

* * *

СЕЛЕСТИНА: Так что утром, когда Эрнест поднял крышку помойного бака и уставился на меня голодным взглядом – слюни текут, глаза на лоб вылезли, – я так и подумала, что это Страшный Злой Медведь!

ЭРНЕСТ: Не текли у меня слюни! И глаза никуда не вылезли! Не могут глаза на лоб вылезать.

СЕЛЕСТИНА: Это выражение такое, Эрнест, это образ!

АВТОР: Не начинайте опять препираться! Эрнест, расскажи лучше, что произошло в то утро.

ЭРНЕСТ: Дело было зимой, и я был не в духе. Голодный – что правда, то правда. Я проснулся такой голодный – прямо весь мир бы съел.

СЕЛЕСТИНА: Ага! Вот видишь!

ЭРНЕСТ: Это выражение такое, Селестина! «*Весь мир бы съел*» – это образ!

СЕЛЕСТИНА: Странный, по-моему, образ.

ЭРНЕСТ: Потому что я поэт, Селестина! Я мастер странных образов.

АВТОР: Лучше я сам буду рассказывать, так быстрее дело пойдёт.

5 Пробуждение Эрнеста (Есть хочу!)

Я ГОВОРИЛ вам, что всё это происходило зимой? Нет? Так вот, была зима. Тонны снега и лютый мороз. В то утро на вершине холма Эрнест проснулся в своём домике, надёжно укрытом в чаще леса, очень не в духе. Он сел в кровати, почесал затылок, почесал спину, почесал зад и сказал сам себе:

– Есть хочу.

Вот он встаёт, открывает холодильник – пусто, даже квашеной капусты не осталось. Открывает буфет – пусто, хоть бы хребет от сардинки – и того нет. Спускается в погреб – ничего нет, даже прошлогодней банки мёда. «Не может быть, неужто я всё-всё подъял перед тем, как уснуть?» Он шарит под кроватью, открывает все крышки – нигде ничего! Ничего, абсолютно ничего съестного во всём доме. Ни малюсенькой крошечки чего бы то ни было. «Есть хочу, – повторяет Эрнест, – есть хочу, есть хочу, ЕСТЬ ХОЧУ!» И вот он одевается, и суёт ноги в свои большущие башмаки, и надевает своё старое пальто, и берёт свой аккордеон, и гармонику, и цимбалы, и барабан, и отправляется в город петь, а снег так и валит большими хлопьями.

(Ах да! Я забыл сказать, что Эрнест обожает петь и играть. С малых лет он играет на всех музыкальных инструментах и сочиняет песни про всё, что видит, и про всё, что в голову взбредёт. Музыка – его страсть. Больше всего на свете он любит петь и играть, только об этом и думает, только этим и живёт. У него очень красивый голос. Медвежий, конечно, но очень красивый.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.